

западным влиянием. Скрытые причины этих иконописных перемен, по мнению автора, глубоко коренились в «еретическом» искажении господствующей церковью православно-христианских представлений. Обрушиваясь на утвержденную церковным собором 1666—1667 гг. книгу Симеона Полоцкого «Жезл правления», Аввакум указывал, что в ней превратно трактуется рождение Христа: «в Жезле безбожном соборище у нас напечатали ... „и совершен-де младенец обретется во утробе“, и еще блядь: „яко тридесати лет муж“» (899). В «Жезле», действительно, стремление Полоцкого обосновать истинную божественную сущность Христа, зачатого «действием духа пресвятаго», а «не по общему естеству», привело автора к утверждениям, что «абие явился совершенное с плотию отроча, еже обретется во чреве всечестныя Богородицы...», и «такое совершен Христос зачаша, яко же совершен бе тридесати лет быв...».⁶⁹ Трудно было бы представить более удобный повод для реально-бытовой саркастической критики Аввакума. «Видиши ли, — издевательски добавляет он по поводу «совершенного» младенца Христа, — с усом и з бороною!» (899). «Вот смотри-те-су, добрыя люди, — пишет Аввакум в другом случае, — коли з зубами и з бороною человек родится?» (283).

Эти измышленные самим Аввакумом и, разумеется, отсутствующие в «Жезле правления» крайние умозаключения («с усом и з бороною» младенец), нарочито попирающие природу вещей, должны были бы, как предполагал автор, неизбежно отразиться в дальнейшем и на характере иконного писания: «Коли уже лают в книгах, а на иконах коли велят истинну писать?» (899). Выдвигалось даже намеренно абсурдное предположение: «Вот, иконники учнут Христа в рожестве з бороною писать: да и ссылаются на книгу-ту: так у них и ладно стало» (284).⁷⁰ Таковы были, по мысли Аввакума, неизбежно порочные перспективы иконописных новшеств, которые вытекали из разрушения официальной церковью традиционных и «реальных», как ему казалось, религиозных представлений. При этом Аввакум, сознательно оглушая суждения церковных «властей», спешил обосновать свою защиту традиционной русской иконописи доводами, обращенными к бытовой реальности: «Мы же, правовернии, — писал он, — тако исповедуем .. родися младенец, а не совершен муж, яко 30 лет» (284). Детство и юность Христа рисовались его умиленному взору в таких обыденных картинах: «Егда родила бога-человека без болезни, на руках ея возлегша, сосал титочки свет наш. Потом и хлебец стал есть, и мед, и мясца, и рыбку, да и все ел за спасение наше. И виноцо пияше...» (620).⁷¹

Критикуя новую иконопись, изображавшую Христа «брюхатым» и «толстым», Аввакум исходил из своих религиозно-философских представлений о «сугубой» природе бога-человека. Он подтверждал «человекоподобие» его жизни, но в то же время подчеркивал главнейшее качество: «Христос же, бог наш, тонкостны чювства имея все...» (282). Иконописный образ и должен был сочетать в свете этих представлений телесную

⁶⁹ [Симеон Полоцкий]. Жезл правления. М., 1667, л. 26 об.—27 об.

⁷⁰ Старообрядческая традиция поддерживала мнение о том, что Никон, когда он был еще новгородским митрополитом (до 1652 г.), «первое повеле написати образ благовещения пресвятыя Богородицы необычным новшеством: пресвятую девицу младенца имеющую совершенна в недрах» (Семен Денисов. Виноград российский, М., 1906, л. 7).

⁷¹ Литературная «реализация» этой картины у Аввакума наглядно выступает при сопоставлении ее с традиционным изложением аналогичного сюжета: «...сего она, яко младенца на руку свою носивши, от своих пречистых соседей млеко питала ... блаженно бо чрево носившее тя и сосцы, яже еси съсал...» (Иоанн Златоуст. Маргарит. М., 1641, л. 598 об.).